

Воспоминанія о Н. А. Вышнеградскомъ.

Мои воспоминанія о Н. А. Вышнеградскомъ относятся къ 1853—57 годамъ, когда онъ былъ профессоромъ педагогики, а я студентомъ Главнаго педагогическаго института. Педагогика не только считалась у насъ главнымъ предметомъ, но и была имъ на дѣлѣ, потому что читалъ ее самый талантливый изъ всѣхъ профессоровъ. Обладая необыкновеннымъ даромъ слова, Николай Алексѣевичъ до такой степени приковывалъ вниманіе слушателей, что мы, боясь проронить хоть одно слово, бросали перья и переставали записывать его лекціи, когда онъ намъ излагалъ цѣли воспитанія и важность ожидающихъ насъ обязанностей.

Нужно замѣтить, что въ педагогическій институтъ, помѣщавшійся въ одномъ зданіи съ Петербургскимъ университетомъ, поступали только бѣдные студенты. Казна насъ кормила и одѣвала, обязавъ насъ предварительно подпискою прослужить не менѣе 8-ми лѣтъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія.—Мы знали, что насъ ожидаетъ тяжелый, почти непосильный трудъ, двадцать четыре $1\frac{1}{2}$ часовыхъ лекцій въ недѣлю, ежедневное составленіе записанныхъ лекцій, частыя репетиціи, строжайшіе экзамены; знали, что неуспѣвшимъ въ наукахъ угрожаетъ ссылка въ уѣздные учителя, а кончившіе курсъ не имѣютъ права выбирать себѣ мѣсто и родъ занятій. Словомъ: мы были готовы къ труду и къ борьбѣ съ житейскими препятствіями; но о какомъ-либо призваніи къ педагогической дѣятельности у насъ, юношей 18—20 лѣтъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

И вотъ выходитъ молодой цвѣтущій здоровьемъ профессоръ, питомецъ нашего же института, и въ блестящей рѣчи, согрѣтой любовью къ своему предмету, излагаетъ намъ громадное значеніе воспитанія вообще и обученія въ частности; затѣмъ въ яркихъ краскахъ рисуется ту страшную нравственную отвѣтственность, которая ожидаетъ насъ въ жизни. Послѣ первыхъ же лекцій Николая Алексѣевича мы выросли въ собственныхъ глазахъ и стали свысока смотрѣть на нашихъ университетскихъ сверстниковъ, которымъ прежде завидовали.

Теперь, по прошествіи почти сорока лѣтъ, когда содержаніе его лекцій почти изгладилось изъ моей памяти, я еще не забылъ того ободряющаго, живительнаго впечатлѣнія, которое мы выносили изъ этихъ лекцій. Независимо отъ блестящей формы изложенія, Николай Алексѣевичъ умѣлъ приковывать наше вниманіе интереснымъ содержаніемъ своихъ лекцій. Къ сожалѣнію, основанія педагогики, логику и психологію, преподавалъ не онъ, а протоіерей Солярскій, добрѣйшій и почтеннѣйшій человекъ, но философъ весьма слабый.

Но Николай Алексѣевичъ, излагая общія дидактическія правила и примѣненія ихъ къ частной методикѣ отдѣльныхъ предметовъ, постоянно останавливался на разъясненіяхъ тѣсной связи этихъ правилъ съ неизмѣнными психологическими законами. Благодаря ему, мы впервые ознакомились съ Коменскимъ и Песталоцци, дѣдомъ и отцомъ педагогики, а излюбленный имъ „Путеводитель“ Дистервега сдѣлался моей настольной книгой на много лѣтъ.

Помню, съ какимъ увлеченіемъ Николай Алексѣевичъ возвратившись изъ ученой командировки, рассказывалъ намъ о состояніи учебныхъ заведеній въ Западной Европѣ. Помню, съ какимъ энтузіазмомъ говорилъ онъ о предстоящей у насъ реформѣ женскаго образованія.—По окончаніи курса я уже ни разу не встрѣчался съ Николаемъ Алексѣевичемъ. Его самого уже давно нѣтъ на свѣтѣ, но его дѣтище, женскія гимназіи, живы и понынѣ, а старые его ученики, знавшіе его лично, никогда его не забудутъ.

Н. Авенаріусъ.

